

ВЛЮБЛЕНА ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ

...У Веры Силковой тяжелая, гренадерская походка и красные, не знающие пудры щеки. Одевается она добротнo, но настолько немодно, что сразу начинаешь тосковать, наткнувшись взглядом на эту фигуру в неброской юбке и стандартной кофте, купленной в ближайшем универмаге. Одним словом, она — обычная женщина из городской толпы.

Кажется, простых и обычных стремятся сыграть все. Прочитай любое интервью: едва ли не каждая актриса признается в том, что ее заветная мечта — воплотить на экране образ обыкновенной современницы. И образы получаются порой достаточно сильные, интересные. С одной, правда, поправкой: современные героини слишком часто приходят на экран, как бы заранее освободившись от той печати стандарта, которую накладывает на людей одинаковый образ жизни, одинаковые бытовые заботы. Кажется, что эти женщины никогда не ездили в метро в час «пик», не стояли после работы в очереди за продуктами, не покупали одежду в обычных магазинах. ...И потому так удивила отвага актрисы Евгении Глушенко, которая в фильме «Влюблен по собственному желанию» в роли Веры Силковой не побоялась выглядеть не просто некрасивой, нет — некрасивыми-то как раз выглядеть не боится, — а обычной, заурядной, совершенно не отличимой от других.

Одна из самых трогательных сказок повествует о том, как гадкий утенок превратился в лебедя. Впрочем, едва ли не каждая сказка основана на эффекте превращения: гадкого утенка — в лебедя, Золушки — в принцессу, лягушки — в царевну, спящей красавицы — в красавицу живую. Это естественно. Сказки придумываются для обычных людей и дарят им шанс прожить хотя бы в мечтах иную жизнь, преобразиться, получить то, что недодаю судьбой. Что надо сделать для того, чтобы преобразиться? Сказки дают на этот вопрос ясный и всегда одинаковый ответ: надо полюбить. В фильме С. Микаэляна «Влюблен по собственному желанию» этот сказочный вариант проходит испытание бытом. Спящую красавицу, как известно, пробудил к жизни поцелуй влюбленного в нее принца. В фильме «Влюблен по собственному желанию» принц предстает перед героиней в облике заскорузлого от одиночества алкоголика, которого полюбить практически почти невозможно: героиня поначалу его просто жалеет. И тем не менее превращение, которое происходит с ней на наших глазах, — совершенно ошеломительно, потому что Глушенко меняется, вроде бы почти не меняясь внешне: глаза, свет нежности и доброты вдруг освещают изнутри ее ставшее таким прекрасным лицо.

В основе почти всех ролей, сыгранных в кино Евгенией Глушенко, лежит превращение. Какой, к примеру, нелепой и провинциальной кажется поначалу ее Сашенька, героиня «Неоконченной пьесы для механического пианино»! Под соломенной шляпкой, которую Сашенька, кажется, почти никогда не снимает — ровно две извилины. Хроническое умиление, которое героиня испытывает к своему «Мишеньке» — Платонову (А. Калягин), утомительно не только для него, но и для всех окружающих. Увидев Глушенко в этой роли, понимаешь наконец, какой была в молодости Пульхерия Ивановна из «Старосветских помещиков» — вот такой же, как Сашенька, хлопотливой, круглолицей, простодушной, хорошей. Но времена «старосветских помещиков» давно прошли, и Платонов с его мятежной душой, недовольством жизнью и собой мало чем напоминает Афанасия Ивановича.

Говорливая, но прозаическая жена явно его раздражает, среди героев фильма Н. Михалкова она персонаж, быть может, самый комический. И лишь в самом финале режиссер дарит актрисе кадр, который становится ее звездным часом: обнимая своего вымокшего в озере, жалкого Мишеньку, героиня Глушенко лепечет ему: «Весь мир для меня — это ты, я ничего не боюсь, я все могу стерпеть», и ее лицо, обращенное к нам, в этот момент становится почти вдохновенным: комическая простушка превращается в сильную, гордую, любящую женщину. Впрочем, слово «превращается» употреблено здесь, пожалуй, не совсем точно: Сашенька в принципе всегда такой и была или, вернее, могла бы быть, если б жизнь

позволила ей полностью проявить все свои духовные возможности. В принципе, все экранные превращения Евгении Глушенко — и в «Неоконченной пьесе...», и в «Впервые замужем» И. Хейфица, и в фильме «Влюблен по собственному желанию» — по сути дела мнимые: меняются не ее героини, нет, меняемся мы сами, актриса словно бы сообщает нам какое-то новое, дополнительное зрение, и мы в какой-то момент начинаем видеть в ее простых, заурядных женщинах и красоту, и ум, и силу. «Мода — всеильная штука, — заметил однажды художник Огюст Ренуар, — она не позволяет видеть того, что вечно». Если понимать под модой не только одежду, но и определенный стиль поведения, то героини Евгении Глушенко в глазах окружающих немодны.

Среди персонажей фильма «Неоконченная пьеса для механического пианино», inferнальных, упадочных женщин стиля «модерн» — с «пахитосками» во рту, длинных и гибких, как лилии, изысканно усталых — ужасающе, вызывающе немодна Сашенька Платонова, пышущая молодым здоровьем, простодушная и обожающая мужа так, как это было принято среди ее бабушек и прабабушек, никогда не слышавших о женской эмансипации. Точно так же совершенно непонятно, к какому современному типу следует отнести героиню фильма «Влюблен по собственному желанию»: она и не «странный», и не «деловая», она вообще существует как бы вне моды. Да, женщины, которых приводит на экран Евгения Глушенко, не соответствуют сиюминутному идеалу красоты, но соответствуют вечно: не случайно ведь ее лицо, такое простое и одновременно прекрасное, понадобилось Никите Михалкову, чтобы в фильме «Несколько дней из жизни И. И. Обломова» воплотить на экране образ матери — какой она не столько даже вспоминается, сколько видится, мерещится давно осиротевшему, обрюзгшему, стареющему герою.

И тем не менее мода действительно всеильная штука и действительно мешает порой видеть то, что вечно. Не потому ли Глушенко так редко появляется на экране? Мы не знаем, в чем тут дело — сама ли актриса отказывается от неинтересных ей ролей, загружена ли работой в Малом театре или действительно получает мало предложений, но, думается, в любом случае причина долгих перерывов ее кинематографической карьеры кроется и в том, что Глушенко на первый взгляд мало соответствует типу современной героини, она — актриса на все времена, а взгляд режиссера, скованный условностями моды, не всегда умеет заметить то, что вечно.

Между тем именно эта актриса, существующая вне моды, над модой, смогла перевести в какое-то совершенно иное качество такой сиюминутный, сегодняшний, напрямую связан-

ный с современностью жанр, каким является производственный сюжет. В фильме «Зина-Зинуля» П. Чухрая выбор Глушенко на главную роль оказался не просто удачным, но во многом решил успех фильма... Знаменитый пенек, на который садится героиня пьесы А. Гельмана Зинуля в знак протеста против совершенной над ней несправедливости, показавший мне в свое время интересным, необычным, хорошо придуманным, но искусственным сюжетным приемом, понадобившимся драматургу для того, чтобы высказать важные мысли обо всем том, что ныне принято называть негативными явлениями в нашей действительности. Все было реально в истории Зинули: ее вполне мог обогатить нерадивый шофер, на нее, не разобравшись, мог наорать начальник, ее могли выгнать с работы — и она могла бы рыдать от обиды, убежать куда-то, уволиться, даже утопиться (ведь читали же мы в газетах несколько историй о молодых людях, которые покончили с собой из-за того, что в магазине самообслуживания их опрометчиво обвинили в воровстве) — но сесть на пенек ей не пришлось бы в голову.

Пенек — как своеобразная трибуна — был подсказан героине гораздо более опытным и гораздо более зрелым, чем она, драматургом, потому что другой реальной трибуны и других реальных возможностей высказать свой протест автор пьесы в ту пору рядом с Зинулей не видел. Некоторая условность этого хода была еще более обнажена в мхатовской постановке пьесы — из-за чего она и не прозвучала в полную силу. Что же делает режиссер П. Чухрай? Увеличивает возраст Зинули лет на десять — пятнадцать и отдает главную роль Евгении Глушенко. И все сразу становится на место! Странность сюжетного хода словно бы совмещается со странностью, необычностью характера, и размытое, как бы немного «не в фокусе» изображение приобретает четкость и трагизм. За Зинулей, какой ее играет Глушенко, — годы и годы, проведенные в рабочих общежитиях. Уже нет надежды на замужество, все свои женские, человеческие возможности, весь свой общественный темперамент героиня реализует здесь, на этой огромной, развороченной машинной стройке.

А темперамент таится огромный, недюжинный: такие женщины с такими же неистовыми, яркими глазами в разные периоды российской истории страдали за веру, шли в революцию, совершали подвиги. И пусть эти ассоциации не покажутся читателю слишком рискованными, слишком не соответствующими скромной должностной Зинули. Посмотрите внимательно начало фильма — те кадры, в которых героиня, еще не подозревающая о том, какая гроза над ней сейчас разразится, командует шоферами в своей диспетчерской.

Послать одну машину на водозабор, а другую — на очистные сооружения, вот, кажется, и все дела, перед нами — рядовой стрелочник, но стрелочник с душой маршала, борца, Героя с большой буквы. И диспетчерская для нее — не просто диспетчерская, нет, это ее поле боя, ее баррикада, ее, если хотите, персональный костер, где Зинуля сгорает каждый день, чтобы наутро воскреснуть для нового боя и снова воевать с халтурщиками, лодырями, любителями длинного рубля...

Обида, нанесенная ей, — это обида вселенская, ни в каком озере ее утопить невозможно, озеро просто выйдет из берегов, и никакими слезами не выплакать, здесь надобна трибуна, прямое обращение к народу, и, оглядевшись вокруг себя, героиня замечает пенек. Для производственного сюжета пенек — аргумент странноватый, но Глушенко оправдывает его изнутри, потому что в рамках производственного сюжета являет нам характер трагический.

Да, в этой героине Евгении Глушенко чувствуется огромная, почти пугающая бездонностью глубина. Где-то в этой глубине судьбы Зинули и самой актрисы как бы сходятся, пересекаются: актриса, как и ее героиня, смогла пока что реализовать в работе лишь малую долю отпущенных ей возможностей. После фильма «Зина-Зинуля» отчетливо понимаешь, что Глушенко по плечу самые сложные, трагические роли мирового репертуара. Да, она актриса на все времена — лишь бы только мода не помешала разглядеть в ней то, что вечно...

Т. ХЛОПЛЯНКИНА.

Фото В. Плотнокова.